

“Нужно быть мужественным человеком, чтобы иметь талант”

“Я утверждаю, что нет таких обстоятельств, при которых душа была бы менее существенна, чем самые дорогие сорта колбасы”.

Аркадий БЕЛИНКОВ

СУДЬБУ его вершили написанные им книги. За роман “Черновик чувств” двадцатидвухлетний Белинков угодил на восемь лет в лагерь. За сочиненный уже там рассказ “Человечье мясо” ему добавили еще двадцать пять.

Выпущенный в 1956 году, он оставляет прозу, где автор, как оказалось, легко вычисляем и беззащитен, и обращается к литературоведению. Книга о Тынянове (1960, 2-е издание — 1965) принесла Белинкову бунтарскую известность. Восхищала изощренная дерзость литературоведа-заговорщика. “Язык “Юрия Тынянова”, — замечает в предисловии Мариэтта Чудакова, — был рассчитан не на понимание, а на воздействие, на заразительность зрелища разрушения догм, в том числе — и догматического стиля”.

Для самого Белинкова книга о Тынянове была прежде всего обсуждением взаимоотношений художника и власти, в данном случае — их сосуществования. Актуальными представлялись ему и два других типа этих отношений — капитуляция художника перед властью и его сопротивление режиму. О капитуляции, о сдаче и гибели Белинков рассказал на примере Юрия Олеши. Эта книга тоже не прошла ему даром. По словам Натальи Яблоковой-Белинковой, она завела автора дальше, чем тот предполагал, — в эмиграцию. Небольшие отрывки, по недосмотру опубликованные в 1968 году в провинциальном журнале, вызвали такой скандал в центральной печати, что кое-чему наученный в жизни зэк предпочел остаться на Западе, куда его ненадолго отпустили.

Книга об опыте сопротивления (Ахматовой, Солженицына) так и не была закончена.

“Трагическая судьба Юрия Олеши, который по своей художнической физиологии был, несомненно, большим писателем, в том, что он не стал им, и не стал потому, что никогда не делал ничего сам... — говорит Белинков. — Он плыл в барже эпохи и не стремился переложить руля. Он катил в омнибусе отечественной словесности и не пытался повлиять на маршрут. Он понимающе улыбался, когда требовало время, приплясывал, когда вынуждали обстоятельства, кивал, когда диктовал исторический процесс. И вообще он жил так, как будто бы его самого, его воли, его власти не существовало, а существовали только: эпоха, обстоятельства, закономерность, необходимость, процесс... Он думал, что для того, чтобы овладеть профессией замечательного писателя, нужно не покладая рук создавать замечательные метафоры. Он не понимал, что нужны более важные вещи: смелость не слушать толпу, все решать самостоятельно, готовность к ежеминутной гибели, ответственность за все человечество, уверенность в том, что когда приходится выбирать между рабством и смертью, то нужно выбирать смерть”.

Книга об Олеше пришла из другой жизни, из другого времени, когда только и возможно была та неутолимая ненависть к тоталитарной системе, которая и продиктовала эту книгу.

“Дойдут ли до сегодняшнего читателя напоенные гневом строки, будут ли восприняты?” — прикидывает Мариэтта Чудакова. Как и должно быть, судьба писателя наконец-то в руках читателей.

Лит. газета - 1994 - 5 фев -
- с. 12.

В.Р